

la. *glupums* (102 p.), *ķīlda* (24 p.), *vērtība* (128 p.). Kartais īmaišoma net tokių svetimo darybos pamato žodžių, kurie vien iš senesnių raštų težinomi, vadinasi, nėra sinchroniškai nepritampa prie daugumos kitų pavyzdžių, plg. *narjstē* „kvailystė“, *pavinnystē* „pareiga, prievolė“, *prarakystē* „pranašystė“ (visi 139 p.). Seniausiems kurio nors tipo dariniams nustatyti ir paties darybos tipo ankstesniam pobūdžiui rekonstruoti dažniau bei nuosekliau buvo galima pasiremti giminiškų kalbų leksikos atitikmenimis. Kai dariniai chronologiškai nediferencijuoti ir darybos tipo artimoji praeitis nenušviesta, ištakų ieškojimas iš karto indoeuropiečių senovėje ne vienu atveju lieka per daug abstraktus, hipotetinis.

Darybos formantų (ir atsakančių darybos tipų) kilmę bei pirmąsčius jų santykius su kitų indoeuropiečių kalbų faktais autorius, apskritai, aiškina nuodugniai, referuodamas svarbesniąją tiek senąją, tiek ir naująją literatūrą, vienur pritardamas ankstesnių tyrinėtojų nuomonei, kitur drąsiai pasukdamas visiškai nauju keliu. Be A. Barnesbergerio darbo negalės išsiversti nė vienas, kam ateity rūpės baltų kalbų abstraktų istorija. Ne visi paties autoriaus aiškinimai, tiesa, yra vienodai vykę. Pasitaiko silpnesnių vietų, kiek dirbtinių, mažai įtikinamų išvedžiojimų. Priesaga *-mē*, pavyzdžiui, traktuojama kaip moteriškosios giminės forma (**-imā*) šalia įprasčiausios mūsų veiksmazodžių abstraktų priesagos *-imas* (kurios *-i-*, beje, iš esmės paliktas be paaiškinimo; tarp kitko, nieko neužsimenama apie slavų atliepinį *-ьмо*, nepasvarstomas galimas artimas ryšys su atsakančiais hetitų dariniais) ir sinkopės –

atsitiktinio fonetinio reiškinių – keliu kildinama iš **-imē* (112 p.); net *prasmē* vedama iš **prat-i-mē* (114 p.): be sinkopės, čia dar pasikliuonama bendraties vėlesne įtaka, kuria aiškinamas *-s-* atsiradimas vietoj *-t-* (neva neįpras-toje grupėje *-tm-*, nors yra *ertmē*, *plotmē*, *stātmenas*, *-ā* ir t. t.); panašiai aiškinamas žodžio *žaismas* atsiradimas (per **žaid-mas*) iš *žaidimas* (116 p.). Vienur kitur kliūvantys tokios rūšies aiškinimai, lygiai kaip ir keletas prieš tai keltų bendresnio pobūdžio neigiamų ar bent abejotinių dalykų, nedaug tetemdo gerą bendrąjį įspūdį. Nėra abejonės, kad tai vienas iš ryškiausių darbų pastarojo meto užsienio baltistikoje.

Iš spaudos klaidų dažniausiai pasitaiko *-e* lietuvių kalbos žodžių gale vietoj *-ė*: *atrode* 13 p. 36 eil. = *atrodė*; *veřte* 31 p. 32 eil. = *veřtė*; *platme*, *sausme*, *tankme* 113 p. 16 eil. = *pladmė*, *sausmė*, *tankmė*; *mažume* 113 p. 19 eil. = *mažumė*; *dėme* 113 p. 30 eil. = *dėmė*; *bausme* 114 p. 30 eil. = *bausmė*; *reikmene* 120 p. 19 eil. = *reikmenė*. Kitos klaidos kur kas labiau atsitiktinės: *grjdis* 49 p. 7 eil. = *brjdis*; *aūgti* 66 p. 24 eil. = *aūgatis* (*āugti*); *lažyti* 100 p. 12 eil. = *laižyti*; *grazjbė* 106 p. 21 eil. = *grāžjbė*. Latvių kalbos pavyzdžiuose nepageidautino margumo yra šiek tiek atsiradę todėl, kad šalia lingvistinėje literatūroje įprastos transkripcijos (tokios, kaip Miūlenbacho ir Endzelyno žodyne), plg. *nūogurums* : *nūoguřt* 101 p., *žūpuōt* 130 p., vietomis verčiamasi dar ir paprastąja šių dienų rašyba, plg. *nožėlošana* : *nožėlot* 90 p., *kopiba* : *kopīgs* 129 p.

V. Urbutis

Польские говоры в СССР (Академия наук БССР, Институт языкознания им. Я. Коласа). Редактор доктор филологических наук профессор В. В. Мартынов. Часть I. Исследования и материалы 1967–1969 гг. Издательство „Наука и техника“, Минск, 1973, 232 стр.

Рецензируемый I том сборника состоит из 11 статей, предназначенных для изучения вопросов современного состояния и происхождения польских говоров

на территории Литвы, Белоруссии, Латвии и Украины, а также из набора польских диалектных текстов. Сборник является, безусловно, ценным для исследователей

языковых контактов, причем в нем имеется много данных, важных также для изучения вопросов истории славянских (в первую очередь польского) и балтийских (особенно литовского) языков. В сборнике очень много внимания уделяется польскому языку, употребляемому в Литовской ССР и прилегающих к ней окраинах Белоруссии. Данной теме посвящается большинство статей. В двух статьях рассматривается польский язык в одной деревне Латвийской ССР. Следовательно, сборник имеет определенное значение для изучения балто-славянских языковых связей.

Сборник начинается (после соответствующего предисловия) статьей В. Л. Веренича (В. Л. Вярэніч) „Польскія перыферыійныя гаворкі на ўсходзе (да гісторыі пытання)“ (стр. 5–21), являющейся своеобразным введением. В статье дается обзор появления и развития т.н. „польщизны кресовой“, т.е. польского языка, возникшего на территории бывшего Великого Княжества Литовского к востоку от этнографической Польши, а также делается попытка классификации современных вариантов (говоров) указанного языка. Выводы автора в большинстве случаев не вызывают сомнения и представляют интерес для специалистов по балтийскому языкознанию. Так, например, нельзя не согласиться с автором, что процесс распространения польского языка в Великом Княжестве Литовском имел сословно-классовый характер и в какой-то мере был обусловлен влиянием церкви. Автор обоснованно полагает, что до середины XVII века процесс полонизации охватывал главным образом лишь верхние слои населения и государственную знать, народные же массы долго сохраняли свой родной язык и стали быстро переходить на польский лишь в XIX веке. Сам язык „польщизны кресовой“ является более близким к общепольскому, чем к какому-либо его диалекту. Он формировался на основе общепольского

языка (не диалектов) на литовском, белорусском, латышском и украинском субстрате, поэтому отличается своеобразной неустойчивостью норм. Наплыв этнических поляков, за исключением Украины, был сравнительно незначительным. Великое Княжество Литовское и после входа в состав Речи Посполитой долгое время сохраняло значительную самостоятельность. Согласно действовавшим законам, здесь запрещалось чужеземцам, к которым причислялись и поляки, приобретать землю. Большое значение для укрепления позиций польского языка имело нахождение большей части территории в составе межвоенной польской державы (1919–1939 гг.). В конце статьи автором приводятся статистические данные об употреблении польского языка в СССР. Из нее видно, что после II мировой войны в Польскую Народную Республику уехали около 3 миллионов человек. В Советском Союзе говорящих на польском языке осталось около 1380 тысяч (данные 1959 г.), из них 39,1% в настоящее время проживают в Белорусской ССР, 26,3% — в Украинской ССР, 16,7% — в Литовской ССР, 8,6% — в Российской Федерации, 4,4% — в Латвийской ССР, 2,8% — в Казахской ССР. По мнению автора, „польщизна кресова“ в настоящее время наиболее устойчиво сохраняется в Литовской ССР, что автор объясняет компактностью и количественным перевесом польского населения в юго-восточных районах Литвы, языковыми традициями и ситуацией полилингвизма, значительным по сравнению с другими республиками количеством действующих костелов, а также определенной культурной автономией польского меньшинства в Литовской ССР (польские школы, газета „Czerwony Sztandar“, ансамбль песни и танцев, кружки самодеятельности).

В других статьях сборника рассматриваются конкретные проблемы „польщизны кресовой“, описываются ее варианты

в отдельных местностях, исследуются лингвистические контакты с белорусским, литовским и другими языками. В данной рецензии основное внимание будет уделяться тем статьям, которые имеют значение для балтийского языкознания.

В. Н. Чекман в интересной статье „Фонетические особенности говоров села Колесники Эйшишкского района Литовской ССР“ (стр. 29—43) описывает сложную языковую ситуацию в деревне *Kalesniñkai*¹ и умело анализирует фонетические системы местных польского, белорусского и литовского говоров, а также их взаимные связи. Больше всего внимания уделяется преобладающим польским и белорусским говорам. Сравнение фонетических систем двух последних наглядно показывает, что польский язык в данной деревне является более новым по сравнению с белорусским. Литовский язык до наших дней сохранили лишь немногие жители деревни. В статье констатируется, что 60 лет тому назад здесь литовский язык употреблялся значительно шире (стр. 42). Местный литовский говор автор детально не описывает, довольствуясь лишь указанием наиболее характерных его особенностей (стр. 40—42). Но это делает умело и со знанием дела. Жаль, что автор не попытался изучить элементы литовского субстрата в местных польском и белорусском говорах. Следует полагать, что при тщательном рассмотрении такие элементы здесь обнаружись бы в значительном количестве.

Из более общих выводов автора прежде всего хочется обратить внимание читателей на важное методологическое положение, что ни местный польский, ни белорусский, ни литовский говоры не могут изучаться каждый в отдельности, в отрыве от других. Наше внимание привлекает

¹ Автор литовское название деревни пишет в искаженном виде *Kolésnikai*. В настоящее время указанная деревня принадлежит Шальчининкскому району.

также предложение автора использовать критерий мягких сибилантов и *s, dz* в целях определения литовского или белорусского субстрата (стр. 41). Согласно автору, в польских говорах, возникших непосредственно на литовском субстрате, будут представлены *s', z', c', dz'*, в то время как польская речь на белорусском субстрате будет сохранять краепалатальные *s'', z'', c'', dz''*. Данное предложение заслуживает самого пристального внимания, но тем не менее вызывает и некоторое сомнение. Во-первых, в литовских диалектах (в том числе и вильнюсских) степень палатализации согласных отнюдь не является одинаковой, а колеблется в значительных масштабах не только от диалекта к диалекту, но и в одном и том же диалекте часто зависит от фонетической позиции, особенно от исторических причин, вызвавших то или иное явление палатализации. Это относится также и к сибилантам, тем самым вызывая сомнение в возможности становления во всех случаях одинаковой системы палатализации при переходе на польский язык. Во-вторых, многие местные жители на изучаемой территории являются (при том сравнительно давно) двуязычными или даже трехязычными. Фонетические особенности (в том числе и палатализация согласных) отдельных языков со временем перекрещивались. Нередко обнаруживаются явные различия в речи людей даже одной и той же местности. Поэтому не исключена возможность, что бывшее двуязычное или трехязычное лицо, несмотря на его происхождение, могло при переходе на польский язык в одних случаях перенести больше литовских, в других случаях больше белорусских языковых особенностей. Несмотря на сказанное, все же мы полагаем, что осторожное использование предложенного автором критерия при учете также других данных, в том числе и экстралингвистических, может принести определенную пользу,

особенно в тех случаях, когда исследуется переход на польский язык отдельной семьи или небольшой группы людей. Делать далеко идущие обобщения, используя лишь указанный критерий, мы считаем весьма рискованным.

То же следует сказать и по поводу другого критерия, предложенного автором, а именно, его утверждения, что интенсивное смещение $x || k$ в польской речи является признаком литовского субстрата (стр. 41–42). В данной связи следует заметить, что смещение $x || k$ в действительности является более или менее характерным признаком для польской речи на территории всего Вильнюсского края. Причину появления данного признака, конечно, следует искать в субстрате литовского языка, не имевшего согласной фонемы x (*ch*). Но данный признак нередко выступает также и в местной белорусской речи, которая исторически здесь ведь тоже является вторичной. Мы считаем вполне допустимым, что смещение $x || k$ (унаследованное от литовского языка) иногда могли принести с собой также местные белорусскоязычные жители, переходя на польский язык. Поэтому интенсивность смещения $x || k$, на наш взгляд, указывает не столько на отсутствие посредничества, сколько на недавность литовского субстрата, который в отдельных случаях может быть передан и через местный белорусский говор (язык „по просту“).

Ю. М. Паршута в статье „Статистическое описание морфологии польской речи жителей деревни Дравниеки Мадонского района Латвийской ССР“ (стр. 44–65) дает глубокий анализ произведенного им самим подсчета частоты употребления различных морфологических форм изучаемого польского говора деревни *Dravnieki* на территории латышской Латгалии. Для специалистов по балтийскому языкознанию большой интерес представляет появившиеся в частоте употребле-

ния отдельных падежных форм сдвиги, обусловленные влиянием латышского субстрата или длительного контакта изучаемого польского говора с латышским языком. Надо согласиться с автором, что выступление указательного местоимения *ten* в функции личного местоимения 3-го лица, обусловившее высокую частоту указательных местоимений, является последствием влияния латышского языка на исследуемый польский говор (стр. 48). Также, на наш взгляд, правильно влиянием латышского языка автор объясняет приобретение формой дательного падежа личного местоимения значения принадлежности (*mn'e jest*). Данная конструкция вытесняет конструкцию родительного падежа с предлогом (*u mn'e jest*). Таким образом то место, которое принадлежит дательному и родительному падежам в статистической системе падежей местоимений исследуемого польского говора, обусловлено воздействием латышского языка (стр. 50). В системе существительного влиянием латышского языка правильно объясняется не только приобретение формой дательного падежа значения принадлежности (*kásparu byl'i tšy syny*), но и употребления дательного после глаголов *boleć* и *bić*, ср. такое же употребление соответствующих латышских глаголов *sāpēt* и *sist*. Вопреки автору, употребление местоимения *kto* вместо *co*, равно как и соответствующее явление в русских говорах Псковской области, мы склонны объяснять более древним влиянием балтийских языков (в данном случае латышского), не знающих указанного различия и употребляющих лишь одно местоимение *kas*. Тенденции к ликвидации противопоставления дательного и творительного падежей во множественном числе, на наш взгляд, тоже может содействовать латышское влияние. Для балтистов будет интересно узнать, что в исследуемом польском говоре предложный падеж имеет окончание *-a*, которое автор осторож-

но склонен считать заимствованием латышского окончания локатива (стр. 58). Числительные, начиная с пяти, проявляют тенденцию не склоняться, как и в соседнем латышском говоре, а также русских говорах в Латвии (стр. 64).

Статья Л. И. Масленниковой „О категории одушевленности—неодушевленности в польском говоре деревни Оряны Литовской ССР“ (стр. 66—106) посвящается анализу указанной категории в местном польском говоре деревни *Arniónys* Молетского района. Статья очень ценная. Сначала автор знакомит читателя с языковой ситуацией деревни, причем устанавливает, что польский язык здесь является совсем новым, возникшим путем перехода местных жителей-литовцев на польский язык. Родители современных 70—80-летних стариков еще говорили по-литовски. Так, между прочим, автору утверждали и сами жители деревни („*naša w'oska litefska była dawn'ej*“), на это указывают и фамилии людей (напр., *Grygas, K'irk'is, K'iw'-il-ša, Łabejša, Tarajla* и др.). И на самом деле, в образцах польской местной речи, приведенных автором, мы обнаружили множество литуанизмов, как фонетических (напр., очень интенсивное смешение $x || k$), так и морфологических (употребляется даже литовское окончание дательного падежа ед. ч. *-ai!*), синтаксических (напр., употребление деепричастия на *-szy* в роли сказуемого) и лексических (напр., *dyrwan, s'w'irc', mantuzy*).

Далее автор детально описывает систему употребления падежных окончаний в изучаемом польском говоре. Нас поражает неустойчивость норм. В результате глубокого и умело осуществленного лингвистического анализа автор приходит к интересным выводам. Оказывается, что в изучаемом польском говоре одушевленные имена существительные (в том числе лично-мужские) иногда по своим признакам не отличаются от неодушевленных,

что свидетельствует о некоторой ослабленности в противопоставлении этих грамматических категорий. Автор указанное явление склонен считать следствием влияния литовского языка, не имеющего грамматических категорий одушевленности—неодушевленности (стр. 100). В статье также устанавливаются определенные общие с белорусским языком черты в выражении данной категории. Автор считает, что последнее явление может быть следствием одной из двух причин: или оно возникло в результате контакта носителей говора с белорусским языком, или пришло в деревню вместе с языком виленских поляков, усваиваемым полонизовавшимися литовцами. Более правдоподобной нам представляется вторая причина, т.к. ввиду географического положения вряд ли могли когда-либо существовать непосредственные контакты между жителями данной деревни и белорусским языком.

К. М. Гюлумянц в статье „Наблюдения над лексикой виленских польских говоров (наименования одежды)“ (стр. 107—119) рассматривает польские термины одежды, записанные во время летних диалектологических экспедиций 1966—1968 гг. на территории Литовской ССР. Автор в исследуемом круге терминов обнаружил лишь одно слово литовского происхождения, а именно *nakūlša* (стр. 119), которое связывает с лит. *kušė, kušis* ‘бедро’. Значение данного слова не указано. Тем не менее на стр. 115 автором приведен еще один литуанизм (сам автор этого не подозревает) — это широко в исследуемых говорах известное слово *klūmpi*.

Статья Ю. Е. Русакевича „Некоторые топонимы, микротопонимы и гидронимы юго-восточной части Литовской ССР“ (стр. 147—176) посвящена рассмотрению так называемого „языка земли“. В юго-восточную часть Литовской ССР автор включает почти весь Вильнюсский, часть Ширвинтского, Шальчининкского и Швенчён-

кого районов Лит. ССР. Однако нередко приводятся также топонимические названия из прилегающих окрестностей Белорусской ССР. В начале статьи автор описывает современную языковую ситуацию на указанной территории, иллюстрируя ее специальной картосхемой (лишь для Вильнюсского района, на что не указано) и таблицей. Далее указывается, что из большого числа топонимических названий автором рассматриваются 962 термина. По какому принципу был отобран материал для исследования и как он собирался, автор не указывает. Балтийские по происхождению названия рассматриваются только в славизированной форме без приведения соответствующих исходных литовских форм. Это обстоятельство намного усложняет лингвистический анализ, т.к. в процессе славизации первоначальные формы нередко сильно изменялись, ср. топоним *Жэша* из лит. *Riešė*. Более 60 лет тому назад К. Буга предостерег ученых от такого подхода, критикуя неверную „кельтскую“ теорию А. Шахматова (который впоследствии от нее отказался), основанную именно на таком подходе². Современные работы Кнута-Олофа Фалька³ и Юр-

² К. Būga, Kann man Keltenspuren auf baltischem Gebiet nachweisen? — *Rocznik slawistyczny*. VI, 1913, 3 (= *Rinkiniai raštai*, I, 498).

³ Напр., Knut-Olof Falk, *Ze studiów nad sławizacją litewskich nazw miejscowych i osobowych*, — *Scando-Slavica*, IX, 1963, 87—103; *O metodach sławizacji litewskich nazw osobowych i miejscowych. O genezie i rozpowszechnieniu nazw na -ańce*, — *Språkliga Bidrag*, Vol. 5, Nr. 22, Lund, 1966, 1—16; *Ze studiów nad nazwami jezior suwalskich: Okmin i Okminek oraz inne dublety hydronimiczne*, там же, 26—42; *Ze studiów nad hydronimią suwalską: Jegłówek, Jegłoweczek, Jegliniec*, там же, 52—62; *Glinik-Kelig*, — *Acta Baltico-Slavica*, III, 1966, 69—75; *Kelay* (1569), — *Liber Iosepho Kostrzewski*, Wrocław-War-

гена Принца⁴ более чем убедительно показали ценность предупреждений К. Буги. Сегодня уже можно твердо и уверенно сказать, что изучение топонимов интересующей нас области без учета их истории вовсе не является возможным. К сожалению, все это не дошло до сознания автора рецензируемой статьи.

При чтении первых строк анализа топонимического материала у специалиста по балтийскому языкознанию сомнение вызывает утверждение автора (стр. 151), что „В топонимии юго-востока Литовской ССР более 75—80% составляют названия апеллятивного происхождения и значительно меньше антропонимического (20—25%)“. Языковеды, занимающиеся изучением названий населенных пунктов Литовской ССР, хорошо знают, что подавляющее большинство таких названий является образованиями именно от антропонимов, а не от апеллятивов. Никакого исключения на самом деле не составляет и юго-восточная часть Литвы. В этом можно убедиться, просмотрев приложенные автором в конце статьи списки изучаемых топонимов. Дело в том, что автор неверно их анализирует. Приведем несколько примеров. Так, напр., название бывшего имения *Вижуляны* автор выводит из литовского слова *vūžos*. На самом же деле *Вижуляны* является славизированной формой литовского названия *Vyžulionys*, образованного от

szawa-Kraków, 1968, 557—573; *Ze studiów nad nazwami wód suwalskich: Postaw-Postawelek*, — *Studia językoznawcze poświęcone profesorowi doktorowi S. Rospondowi*, Wrocław, 1966, 359—370. Еще см. *Acta Baltico-Slavica*, II, 1965, 514; V, 1967, 434—440, 447—451.

⁴ Jürgen Prinz, *Die Slavisierung baltischer und die Baltisierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwałki — Versuch der Entwicklung einer Theorie der Umsetzung von Ortsnamen am praktischen Beispiel*, Wiesbaden, 1968.

антропонима *Vyžulionis*, первоначально имевшего патронимическое значение 'сын человека именем *Vyžulis*'. Таким образом *Vyžulionys* — это 'место, где живут потомки *Vyžulis'a*'. Антропоним *Vyžulis*, от которого с помощью патронимического суффикса *-onis* образовано личное имя *Vyžulionis*, в свою очередь по происхождению является уменьшительно-ласкательной формой, восходящей, по-видимому, к тому же литовскому корню, что и апеллятив *vūžos*, ср. *vūžti* 'плести'. Таким образом выводите топоним *Vyžulionys* непосредственно от апеллятива *vūžos* ни в коем случае недопустимо. Точно также, напр., топонимы *Kurmėlnai* и *Kairėnai* из лит. *Kurmėlionys* и *Kairėnai* следует выводить не от апеллятивов *kūrmis* и *kairė*, как это делает автор, а от антропонимов (точнее патронимов) *Kurmėlionis* и *Kairėnas* ← *Kurmėlis*, *Kairys*. Топонимы *Girdžiūnai* и *Troškūnai* развились, конечно, не от апеллятивов *girdėti* и *trāška*, как неверно полагает автор, а восходят к патронимам (впоследствии ставшими фамилиями) *Girdžiūnas* и *Troškūnas*, образованным с помощью другого патронимического суффикса, а именно *-ūnas*, от личных имен *Girdžius* и *Troškys* (*Troškà*). Аналогично названия деревень *Вобале*, *Гудэле*, *Цыплишки* из лит. *Vabaliai*, *Gudėliai*, *Čypliškė* не могли развиться на базе апеллятивов *vābalas*, *gūdas*, *cūpti* (так полагает автор), а образованы от личных имен *Vābalas*, *Gudėlis*, *Čyplys*. Название деревни *Вашкели* из лит. *Vaškėliai* автор возводит к литовскому апеллятиву *vāškas*. На самом же деле оно образовано из фамилии *Vaškėlis*, которая по происхождению является диминутивом от личного имени *Vāškas*, являющегося, на наш взгляд, продолжением в литовском языке восточнославянского народного варианта крестного имени (т.е. имени, получаемого при крещении) *Иван*, ср. *Вашко* от *Ивашко* ← *Иван*⁵.

⁵ См. М. В. Бірыла, Беларуская антрапанімія, Мінск, 1966, 86.

Здесь было приведено лишь несколько примеров. Но автор так поступает сплошь и рядом. Мы специально просмотрели все приведенные в списке топонимы с суффиксом *-шки* (они составляют самую большую группу, по подсчету автора 22,6% всех рассматриваемых топонимов) и не нашли ни одного термина, который без всякого сомнения восходил бы непосредственно к апеллятиву. А это уже дает право утверждать, что автор полностью не знаком с литовской топонимикой, не имеет понятия об её образовании и структуре. Из сказанного следует, что читатель должен весьма скептически отнестись к подсчетам автора, касающимся как апеллятивов, так и деления их на существительные и прилагательные (стр. 151 и таблица 3).

Далее автор пишет: „Топонимическую систему юго-восточной части Литовской ССР определяют в основном пять словообразовательных типов с суффиксами: 1) *-шки* (*-ышки*); польск. *-iszki*, *-yszki*; лит. *-iškis*, *-iškės*, *-iškė*; 2) *-аны* (*-яны*), *-уны* (*-юны*), польск. *-anu*, *-unu*; лит. *-ėnai*, *-onys*, *-ūnai*; 3) *-анцы* (*-янцы*), *-унцы* (*-юнцы*); польск. *-ańce*, *-uńce*; 4) *-ово*; польск. *-owo*; 5) *-цизна*; польск. *-szczyzna*“ (стр. 151). У читателя, который предварительно просмотрел списки топонимов, возникает вопрос, почему не выделяются другие словообразовательные суффиксы, напр., *-ели* (*-еле*, *-эли*, *-эле*, *-ялы*) из лит. *-eliai*, *-ėliai*, ср. *Антонели*, *Вашкели*, *Кемели*, *Гудэле*, *Грабялы* и многие другие; *-ули* (*-улы*, *-уле*, *-юлы*) из лит. *-uliai*, ср. *Мажули*, *Бочулы*, *Балулы* и др.; *-уци* (*-уце*) из лит. *-učiai*, ср. *Шаркуци*, *Макуце*...; *-айце* из лит. *-aičiai*, ср. *Грыгайце*, *Озерайце*...; *-ники* из лит. диал. *-(i)nykai*, ср. *Лаукеники*, *Медники*, *Мусьники*...; *-ине* (*-ыне*) из лит. *-unė*, ср. *Ванагине*, *Жагарине*..., и др. Некоторые из не выделенных автором суффиксов являются более распространенными, чем отдельные из выделенных. В таблице 4, посвященной

лишь Вильнюсскому району, автор уже выделяет не 5, а 26 основных групп суффиксов, включая и часть упомянутых нами. Получается странная логика: часть превосходит целое.

Так как большинство из этих суффиксов литовского происхождения, автору следовало бы их группировать согласно первоисточнику, тем избегая произвола и смещения, характерного для их обзора в таблице 4. Кроме того, автор ни слова не говорит о характерном топонимическом типе, состоящем из двух основ и нередко восходящем к очень древним (дохристианским) литовским антропонимам, напр., *Буйв́иды, Даум́илы, Люб́арты, Сирв́иды* из лит. *Būivydai, Daumilai, Liubartai, Sirvydai*.

Далее автор рассматривает топонимы по отдельным (выделенным им) словообразовательным суффиксам. Начинает с наиболее распространенного суффикса *-ишки* из лит. *-iškiai*. Дается картосхема распространения ойконимов с указанным суффиксом (стр. 155). Она, как и приводимые автором статистические данные о распространении указанного, а также и других типов топонимов, были бы весьма полезны, если при подсчете был бы учтен полностью весь соответствующий материал, а не его часть, или, по крайней мере, если бы нам были известны принципы отбора или сбора материала автором. Веру в правильность подсчетов также уменьшают несовпадения между данными в тексте и в таблицах⁶. Но наибольшее возражение вызывает вывод автора, что топонимы с суффиксом *-ишки* состоят главным образом из славянских словообразующих основ, чаще всего польских (стр. 151). Уже с

⁶ Напр., на стр. 151 указано, что анализу подверглись 656 топонимов, 205 микротопонимов и 101 гидроним, а в таблицах приводятся другие цифры: 627 топонимов и 327 микротопонимов и гидронимов (вместе взятых).

теоретической точки зрения маловероятным является допущение наличия такого большого количества гибридных топонимов с литовским суффиксом и польской основой. Поэтому мы проанализировали все имеющиеся в списке топонимы с *-ишки*. Оказывается, что дело обстоит вовсе не так. Почти все указанные топонимы (при более тщательном анализе может оказаться, что и все) образованы от антропонимов, которые до сих пор используются литовцами в качестве фамилий. Большая часть из них (около 65%), несомненно, балтийского происхождения и в ряде случаев восходит к дохристианской литовской антропонимической номенклатуре, напр., *Дзевен́ишки, Лингмен́ишки, Норвиллишки, Войн́ишки* из лит. *Dievėniškės, Linkmeniškės, Nórviškės, Vainiškės* и др. В ряде случаев первоначальные литовские звуки и формы в большей или меньшей степени заменены славянскими соответствиями, но по словообразовательным формантам и другим признакам литовское их происхождение легко обнаруживается, ср. *Зверел́ишки* из *Žvėrėliškės* (замена *Ž-* на *Z-* по модели лит. *žvėris*: польск. *zwierz*). Остальные топонимы с суффиксом *-ишки*, за исключением немногих и тех, которые не вполне ясны, образованы от крестных имен (получаемых при крещении), общих как для поляков, так и для литовцев. Некоторые из них имеют литовские словообразовательные форманты, указывающие, что данное наименование дали люди, говорящие на литовском языке, напр., топоним *Казюли́шки* из лит. *Kaziūliškės*, образован от *Kaziūlis* — уменьшительно-ласкательной формы крестного имени *Kazys* при канонической форме *Kazimieras*, польск. *Kazimierz*. В ряде случаев использованы формы, указывающие не на польское, а на восточнославянское посредничество при получении крестного имени, напр., топоним *Валотки́шки* из лит. *Valatkiškės* от *Valatkà* ← *Володько* (каноническая форма *Володимир*).

Польская фонетическая огласовка топонимов, образованных от крестных имен, отнюдь не показывает польского происхождения, т.к. литовцы те же топонимы произносят с соответствующей литовской огласовкой, напр., *Янішки* (автор неверно считает польским образованием от *Ян*) из лит. *Jõniškė* (др.-лит. и диал. *Jãniškė*).

Из сказанного видно, что автор не в состоянии распознать балтийские и славянские элементы в изучаемых топонимах, хотя в начале статьи он заявил, что „в основном они имеют ясное языковое происхождение“ (стр. 151). Предлагаемые автором этимологии многих топонимов являются произвольными, часто напоминают народную этимологию или носят фантастический характер, ср. *Зубишки* от слова *зуб*, *Ружишки* от польск. *róża* ‘роза’, *Сенишки* от бел. *сені* или *сена*, *Волкорябишки* от *рябой волк*, *Злоторуны* от польск. *złote runo* ‘золотое руно’ и тому подобные. Ведь таким образом объяснялось происхождение топонимов в средневековье. О литовских этимологиях, таких как *Дукишки* от *du kiškiai*, *Скерсабалэй* от *skersai balei* ‘белел’, не следует даже и говорить: они настолько нелепы, что сам редактор сборника счел необходимым вмешаться в текст автора, обозначая некоторые этимологические сопоставления звездочкой и поясняя читателю, что таким образом „обозначены топонимические наименования, неправомерно соотношенные автором с литовскими словообразующими основами и сомнительные или неверные литовские параллели“ (стр. 160, сноска 7). К сожалению, звездочка использована слишком скромно.

Неудачи автора при попытке раскрыть происхождение топонимов объясняются не только отсутствием необходимых знаний из области литовской топонимики, но и поверхностностью знаний (или вовсе незнания) самого литовского языка, на что, между прочим, указывают ошибки в написании

и искажение литовских слов, ср. *avižū* 160 ‘овес’, *žirnius vógei* 161 ‘горох воровать’, *ligóniat* 162 ‘больные’, *skierdýmai* 163 ‘вырубленные кусты’ и др. Каждый компонент топонима, своей звуковой стороной совпадающий с любым польским словом, для автора уже является признаком польского происхождения. Только так можно понять выведение топонима *Вилькишки* из лит. *Vilkiškės* от польского слова *wilk* ‘волк’ (стр. 154).

Неспособность автора распознать балтийское или славянское происхождение топонимов наиболее наглядно показывают приложенные к статье списки⁷. В список I автор включает топонимические названия литовского происхождения. Этот список озаглавлен „Характерные литовские словообразующие основы в топонимии, микротопонимии и гидронимии юго-восточной части Литовской ССР“. Остальные три списка — это общие указатели рассматриваемых автором топонимов (II), микротопонимов (III) и гидронимов (IV)⁸. Сравнение I списка с тремя остальными обнаруживает полное невежество автора. Так к „характерным литовским словообразующим основам“ относятся, напр., топонимы *Герáлки*, *Певя́та*, *Пигóша*, *Сáлки*, литовское происхождение которых на самом деле может ставиться под сомнение. Наряду с этим в список не включается большое множество несомненно литовских топонимов, таких как (приводим лишь некоторые) *Буйв́идзэ*, *Довця́ны*, *Дуки́ты*, *Даумі́лы*, *Эйтуні́шки*, *Гéни*, *Гóйдзе*, *Герв́ишки*, *Гайд́уны*, *Юргеля́ны*, *Керно́-*

⁷ Кстати, топонимы в них расположены в алфавитном порядке лишь по первой букве, что очень усложняет их использование.

⁸ К тому же, три последние не являются полными, т.к. в них отсутствуют некоторые рассматриваемые в тексте топонимы, напр., *Кяулишки*, *Раудоні́шкі*, *Злоторуны*, *Ожелувка*.

во (-аве), Кемели, Кемелшики, Лингминшики, Ловкеле, Любарты, Лабонары, Милейкишики, Мэйлуны, Магуны, Маргуцишики, Ожоройст, Пóройсьць, Поюргеляны, Рукóйне, Склевсьце, Слижўны, Сирвиды, Шакалшики, Шаркуци, Ужублэндзе, Вилейкишики, Вишулишики, Вобалишики, Войдаты, Визгирды, Жагарыне и много других.

Все это убедительно показывает, что читатель должен крайне критически опенивать все подсчеты автора, касающиеся языкового происхождения топонимов. Приведенные в таблице 3 (стр. 152) соответствующие данные являются полностью неверными.

Из других недочетов автора нам хотелось бы обратить внимание читателя лишь на следующие.

Автор топонимы с литовскими по происхождению суффиксами -аны (-яны), -уны (-юны), по употребительности занимающие второе место после топонимов на -шики, рассматривает отдельно от топонимов с суффиксами -анцы (-янцы), -унцы (-юнцы). О генезисе последних лишь указывается, что „Некоторые топонимы на -анцы возникли на основе коллективного названия группы людей“ (стр. 156). Но ведь после работ проф. К.-О. Фалька⁹ уже не подлежит сомнению, что суффиксы -анцы, -унцы восходят к тем же самым литовским суффиксам -onus, -ūnai, что и суффиксы -аны, -уны. Разница состоит лишь в степени славизации. Следовательно, оба ряда суффиксов должны рассматриваться в непосредственной связи, а не отдельно, причем целесообразно в одну группу объединить -аны и -анцы, а в другую -уны и -унцы, так как первые восходят к литовскому суффиксу -onus (иногда -ėnai), а вторые — к -ūnai.

При рассмотрении сравнительно немногочисленных топонимов (по подсчету

⁹ См. две первые работы, указанные в 3-й сноске.

автора составляющих лишь 2,4%) со славянским суффиксом -ицизна, неверно утверждается, что все они имеют славянскую основу (стр. 156). Такому утверждению противоречит, напр., топоним Герульшичьзна (в основе лежит литовский антропоним *Gerūlis*), показывающий, что в процессе славизации иногда исконные литовские суффиксы в топонимах заменялись суффиксом -ицизна.

Формант -ово автор считает чисто славянского происхождения (стр. 156) при наличии в списке топонимов, наглядно показывающих, что в процессе славизации иногда -ово возникало из литовского -ava или -avė, напр., Дайно́вы, Керно́во из лит. *Dainavà, Kernavė*. Следует заметить, что и сравнительно немногочисленные топонимы с несомненно славянскими, преимущественно польскими, суффиксами -увка, -увэк, -ынэк, -ице иногда являются преобразованиями более старых литовских топонимов, напр., Гродзю́вка от литовского антропонима *Grūodis, Kernuvėk* из лит. *Kernuvėlė, Неменчы́нэк* из лит. *Nemenčinėlė, Трочэк* из лит. *Trakėlis, Траки́шча* из лит. *Trākinė (Trakėliai?)*.

Рассматривая топонимы, образованные при помощи приставок, автор неверно утверждает, что они „в основном славянского происхождения“ (стр. 158). Этому между прочим противоречат такие топонимы, как Надбжозо́ла, Поги́ры, Пóройсьць, Пакéна, Поюргеля́ны, Повжо́ле, Покальни́шки, Подбжэ́зе, Закéнце, являющиеся продолжением литовских топонимов *Pābražuolė, Pagiriaĩ, Pāraistis, Pakenė, Pājurgelionys, Pažzuoliaĩ* (диал. *Paūžuoliaĩ, Pavūžuoliaĩ*), *Pakalniškės, Pabėrzė, Užūkenė*. Ср. еще топоним Ужублэндзе с литовским диалектным префиксом *uži-*, который автор даже не упоминает. При более детальном анализе оказывается, что польские приставки *pod-, za-* обычно являются автоматической заменой соответствующих литовских *pa-, už(u)-*, причем нередко

случаи полного перевода типа *Užùžeré, Užùdvarionys*→*Заезэже, Задворанцэ*. Ср. еще замену литовских составных гидронимов *Baltóji Vókė, Juodóji Vókė* на *Бéлая Вáка, Чáрна Вáка*.

Подводя итоги своего „исследования“, автор, как и следовало полагать, сделал полностью неверный вывод, что „Основная масса топонимических наименований, бытующих ныне в юго-восточной части Литовской ССР, имеет славянскую основу, главным образом польскую, а по восточным и южным окраинам — белорусскую“ (стр. 159). Это доказать, конечно, невозможно. Но зато автор, сам не желая этого, доказал другое, притом убедительно и неоспоримо, а именно, что без глубокого знания литовского языка и литовской топонимии изучать топонимы юго-восточной части Литвы и прилегающих окраин Белорусской ССР никак нельзя. Неверные выводы автора, конечно, не могут ввести в заблуждение специалистов по балтийскому языкознанию (скорее у них вызовут удивление), но это вполне может произойти с представителями других областей науки. В этом и заключается ущерб, который может причинить данная статья. В какой-то мере полезным может оказаться лишь сам фактический материал — списки топонимических наименований (если все они точно зафиксированы), в первую очередь для изучения процесса и методов славизации литовской топонимии в прошлом.

В статье А. В. Каупуж „Из истории наблюдений над польским языком в Литве

(о статье профессора Виленского университета Эвзебия Словацкого)“ (стр. 177—182) рассматривается статья, помещенная во втором томе посмертно изданных сочинений Э. Словацкого (1826), в которой приводится перечень провинциализмов и которую, по мнению автора статьи, следует считать одной из первых регистраций польского языка в Литве. Рассматривается целый ряд особенностей „польщизны литовской“, часть из которых (напр., суженное произношение гласного *o*, своеобразие употребления причастий на *-szy*) появилось под влиянием литовского языка.

В трех статьях (В. С. Черняк, Т. В. Старак „Фонетичні особливості польської говірки села Бісковичи Самбірського району Львівської області“, Г. В. Пальцаў „Агульныя словы чэшскага паходжання ў беларускай, і польскай літаратурных мовах“, Р. М. Вайнтрауб „Семантические изменения в польской лексике под влиянием русского языка“) балто-славянские контакты не затрагиваются.

Сборник завершается полезным историко-библиографическим очерком „Состояние и перспективы исследования «польщизны краевой»“, написанным В. Л. Вереничем, и образцами польских диалектных текстов (из *Dravnieki* Латв. ССР, *Arniónys, Máišiagala — Nemenčinė, Dailidės, Kalesniňkai* Лит. ССР, Старая Руда, Вулька Доргунская и Новики БССР, Бисковичи УССР), зафиксированных различными авторами, поэтому довольно пестрых в отношении использованной транскрипции.

З. Зинквичюс